

Лиана Алавердова

САМОУБИЙСТВО:

ДО

И ПОСЛЕ

Лиана Алавердова

Самоубийство: до и после

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7585298

Аннотация

В книге Лианы Алавердовой «Самоубийство: до и после» представлен материал, в котором излагается реальный жизненный опыт автора, пережившего потрясение в связи со смертью брата, покончившего с собой. Представлены факты и развенчаны мифы о самоубийстве, рассмотрены и оценены основные факторы риска самоубийства. Эмоционально, но при этом содержательно и выверено последовательно описаны чувства и переживания, определяющие жизнь людей, у которых погиб близкий человек. Значимой является глава книги, которая нацелена на ориентацию окружающих в логике «что делать и чего не делать». Практико-прикладную ценность имеет и раздел «Что делать, если вы подозреваете кого-либо в суицидальных намерениях». Книга может оказаться полезной для тех, кто пережил подобную трагедию, для тех, у кого возникают мысли о досрочном завершении своей жизни, а также для их родственников и близких, у которых всегда есть шанс оказать помощь в подобной ситуации. По целевой аудитории и содержанию книга эта – «первая ласточка» для подобной литературы на русском языке.

Содержание

Самоубийство: до и после	9
Предисловие автора,	10
Глава 1. Как это произошло	15
Глава 2. На пути к трагедии	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лиана Алавердова

Самоубийство: до и после

Для тех, кто переживает утрату

Дорогой читатель! Вы взяли в руки необычную книгу. Она непроста для чтения. В ней поднимаются сложные и трагические вопросы. Знакомство с этой книгой потребует от Вас определённого мужества. Но её надо прочитать. Прочитать, чтобы понять и осмыслить одну из наиболее тяжёлых проблем человечества – проблему самоубийства. Возможно, Вам покажется, что знать эти вопросы – удел специалистов. Зачем портить себе настроение, ведь лично к Вам это не относится. Что ж, береги Вас Бог! Однако гарантий, что это страшное событие никогда не коснётся ни Вас, ни Ваших близких, друзей, знакомых, не даст никто. К сожалению, суицид – явление не столь уж редкое.

Сухая статистика: каждый год на земле по своей воле уходит из жизни один миллион человек, ещё двадцать миллионов совершают покушение на самоубийство. Следующая попытка для многих из них станет фатальной. Среди самоубийц много подростков и детей, много людей в самом расцвете сил. Суициды занимают первое место среди всех причин насильственной смерти, включая убийства, несчастные

случаи и даже гибель на войне.

Что же заставляет человека самостоятельно уйти из жизни – высшего и лучшего, что дано ему Богом? Как и почему это случается? Что можно сделать, чтобы предотвратить это противоречащее самой природе человека действие, чтобы спасти своего любимого человека? Это вопрос не только и не столько к специалистам, сколько к каждому из нас. Ибо мы, несущие в своей душе Бога, не можем оставаться равнодушными. От нас зависит очень многое!

Автор этой книги – прекрасный, умный, интеллигентный человек, выросший в благополучной, дружной и заботливой семье. На долю её семьи неожиданно выпало, пожалуй, самое тяжёлое жизненное испытание – самоубийство самого близкого человека. Достоинство пережить такую трагедию – удел сильной личности. Именно таковой и является Лиана Алавердова. Она не только выдержала это испытание, но и сумела найти в себе мужество обратиться к поиску причин случившейся беды, постараться ответить на многие вопросы, зачастую сложные даже для специалистов. Результатом этой работы стала книга, которую Вы держите в своих руках. И это не исповедь отчаявшегося человека, это – искренняя попытка разобраться в причинах трагедии, не жалея своих ещё незаживших душевных ран.

Меня как учёного, врача, занимающегося проблемами суицида, потрясло, насколько тщательно автор анализирует жизнь своего брата, пытаясь найти те причины, те факторы,

которые привели его к трагическому исходу. Лиане удалось каким-то непостижимым образом соединить в этом анализе научную беспристрастность с болью и горечью личной утраты. В книге доступным языком рассказывается о множестве факторов, способствующих возникновению суицидального поведения, ведь самоубийство – это не гром среди ясного неба, это не какое-то неожиданное событие. Суицидальное поведение – это процесс, который может длиться значительную часть жизни, а собственно суицид является лишь его трагическим финалом. Автор приводит все эти важные сведения через призму воспоминаний о жизни своего брата, что наполняет глубоким жизненным смыслом научную информацию.

Главное внимание в книге (и в этом её главное достоинство) уделяется тому, как себя вести при первых признаках надвигающейся беды, что предпринять в этом случае, к кому обращаться за помощью, а также другим, исключительно важным для людей советам. Эта информация очень важна, ведь её знание – залог спасения жизни человека!

Лиана Алавердова не ограничивается только этими рекомендациями. Учитывая, что книга может попасть в руки людей, уже переживших подобную трагедию, и базируясь на собственном тяжком опыте и опыте других людей, она даёт очень важные советы о том, как родственникам погибшего пережить эту трагедию, как найти смысл в своей дальнейшей жизни, как уйти от тяжести собственной вины в случившемся.

ся (которой, как правило, и не существует).

Хочется особо отметить, что автор заканчивает свою книгу стихотворениями, написанными ею после трагической утраты. В них она открывает свой душевный мир, чувства и переживания. Стихотворения закономерно венчают её титанический труд, потребовавший всего богатства и мужества души. Несчастье не сделало её обиженной на существующий мир, оно заставило её полюбить этот мир ещё больше! Ибо любовь и доброта есть высшая форма нашей духовности, существования Человека с большой буквы! Таким Человеком и является Лиана Алавердова.

Написанная ею книга важна для тех, у кого возникают мысли о досрочном завершении своей жизни. Эта книга важна для родственников и близких, у которых всегда есть шанс оказать помощь в подобной ситуации. Эта книга важна для множества людей, которые пережили подобную трагедию. Эта книга написана во Спасение! Прочитайте её, она того заслуживает!

Борис Положий,

доктор медицинских наук, профессор, руководитель
Отдела экологических и социальных проблем
психического здоровья Государственного научного
центра социальной и судебной психиатрии им.
В. П. Сербского (Москва), научный координатор
Сотрудничающего центра ВОЗ по проблемам
суицидологии в РФ, почётный член Немецкой академии

психоанализа (DAP).

Самоубийство: до и после

*Памяти моего любимого брата Вадима
Алавердова*

*Бог сохраняет всё.
Особенно слова прощенья и любви,
как собственный свой голос...*
И. Бродский

Предисловие автора,

или Почему написана эта книга

Эта книга написана для тех, у кого близкие покончили с собой, и для тех, кто хочет знать больше о самоубийстве, чтобы предотвратить трагедию и помочь тем, кого коснулось это горе. Тема самоубийства зачастую табуирована. Она вызывает праздный интерес у газетчиков и любителей сенсаций, и в то же время эта тема настолько страшна и некомфортна для людей, что они не знают, как себя вести в том случае, если эта беда случается с их знакомыми. Многие не хотят омрачать своё сознание подобными ужасами и «отодвигают» от себя всё, что может покуситься на их покой. Эта книга не для них. Она для тех несчастных, мучающихся годами и терзающих себя вопросами и чувством вины людей, родственники или друзья которых покончили с собой. Эти люди не решаются или не умеют высказать наболевшее, не осознавая, что их горе, искусственно замороженное и запрятанное, рвётся наружу и калечит их души, обречённые на непонимание окружающих. Они чувствуют себя безнадёжно, вселенски одинокими.

Почему люди убивают себя? Каковы признаки надвигаю-

щейся трагедии? Как помочь тем, кого коснулась беда? Вот основные вопросы, на которые я пытаюсь ответить в этой книге. Сразу оговорюсь, что я не выступаю здесь в роли научного исследователя и не претендую на какие-либо открытия в психологии и психотерапии. Моя цель гораздо скромнее: она утилитарная, а не теоретическая, причём я пытаюсь помочь своей работой не только читателям, но и себе. Многие из советов, которые я привожу в своей книге, «опробованы» на мне самой. Я человек, переживший катастрофу. Таких людей по-английски называют «survivors», то есть выжившие, уцелевшие. (1) В данном случае речь идёт не о катастрофе мирового масштаба, а о беде, затронувшей тех, кто знал и любил моего брата. Но каким бы узким ни казался нам этот круг лиц, самоубийство всегда затрагивает больше людей, чем кажется на первый взгляд. Самоубийство – это землетрясение, сметающее островки надежд, рушащее мосты дружб, рвущее узы симпатий и привязанностей, разрушающее всё и вся: веру в ценность человеческой жизни, в святые законы человеческого существования (моральные, религиозные, интимно-личностные). Словом, крушение основ.

Катастрофа обрушилась на меня и моих родных, когда мой единственный брат, Вадим Леонидович Алавердов, покончил с собой, бросившись с десятого этажа дома, в котором мирно спали его ничего не подозревавшие родители. Этот поступок рассёк моё и родительское существование и

сознание на два пласта: «до» и «после» катастрофы. Можно попытаться объяснить, что испытывают люди, узнавшие только что о подобном, самом страшном и непредставимом, и я, к сожалению, потерплю здесь фиаско, не сумею этого сделать, потому что если выражение «слова бессильны» уместно когда-либо, то в данном случае без него не обойтись. Оглушенные горем, мы столкнулись с вопросами, которые жалили нас, словно рои диких пчёл, и на которые нами не найдены ответы до сих пор. Поиск ответов на мучительные вопросы внезапно переместился в центр моего существования. Можно ли было спасти его? Что мы проглядели? Как отделить черты характера от психических отклонений? Религиозный человек задаёт вопросы Богу, книжный червь, каковым я была всю жизнь, – книгам. К тому времени я жила в Соединённых Штатах одиннадцать лет и мой английский значительно улучшился. Я получила магистерскую степень, читала свободно любую документальную и художественную литературу. Я бросилась к книгам о самоубийствах, депрессии, других психических заболеваниях, о том, как приходить на помощь людям, находящимся в зоне риска, и как помогать тем, у кого близкие погибли. Я нашла группы поддержки для родственников погибших, разнообразные мемуары, статьи, исследования, написанные зачастую не для профессионалов, а рассчитанные на рядового читателя. Я читала и плакала в метро по дороге на работу и с работы, в автобусе, сидя в очереди к врачу. Я поглощала эти книги, и кое-что про-

яснялось, мозаика обретала какие-то очертания, более или менее понятные моему разуму, хотя многое, очень многое осталось навсегда неразрешённым, так как невозможно было воскресить и допросить родную и такую загадочную душу любимого брата. Когда же я попыталась поделиться этими знаниями с моими родителями, чьи страдания были невыносимы, то оказалось, что нет ничего, что бы я могла им предложить прочесть на русском языке. Я не говорю о статистике и сухих книгах, рассчитанных на специалистов. Я говорю о книге для массового читателя, для людей, пострадавших от катастрофы – самоубийства их близкого человека.

Практически всё, о чём я написала в этой книге, взято из американских источников. Россия и страны бывшего Советского Союза имеют огромное количество проблем, связанных с психическими проблемами населения, и гораздо более угрожающую статистику по суициду, но в силу недостаточного внимания государства к профилактике и лечению психических заболеваний и сильной стигматизации и невежества в этом вопросе можно сказать, что поле деятельности для просвещения и помощи населению остается обширным и, увы, невозделанным.

Долгие годы во всех странах мира на самоубийство смотрели как на проблему, затрагивающую отдельные семьи, а не как на зло, в преодолении которого требуется активная роль государства и общества. Теперь положение меняется. Уже двенадцатый год, как многие страны мира отмечают Наци-

ональный день помощи пережившим самоубийство. Он отмечается каждый год в третью субботу ноября. В этом году двести семьдесят пять городов проводили конференции и были объединены телемостом. Американское общество по предотвращению самоубийств просило меня, как русскоязычную, помочь с осуществлением этой задачи и организовать нечто подобное в России. Увы, пока мне это не удалось осуществить. Может, кто-то из читателей возьмётся за подобную задачу?

Эта книга также очень личная и сокровенная. Она о моей личной боли и о том, как я преодолевала и продолжаю преодолевать её, как я научилась с нею жить. Она о моём брате и его трудной сложной судьбе, хотя некоторые имена, упомянутые в книге, изменены. На примере трагедии нашей семьи я пытаюсь показать и рассказать то, что практически невозможно выразить словами: о феномене самоубийства и о том, что испытывают люди, потерявшие близких. В то же самое время мне не хотелось бы, чтобы вся жизнь моего брата свелась к его последнему страшному шагу. Этим можно объяснить подробный рассказ о нём и его судьбе. Цель моя очень скромна: если у читающих эту книгу станет на одну слезинку меньше и на один гран понимания больше, то я буду удовлетворена.

Каждому, кого коснулась подобная трагедия, предстоит долгий и нелёгкий путь. И вовсе необязательно проходить его в одиночку.

Глава 1. Как это произошло

*О Смерть, я брошусь навстречу тебе,
несдавшаяся и непокорённая!*
Вирджиния Вульф

Ночью 3 декабря 2004 года мой брат, Вадим Алавердов, встал с постели, которую заботливо постелила для него мать, снял цепочку со Звездой Давида, подаренную ею же, положил цепочку в ящик компьютерного стола, стоявшего в его комнате, тихо, чтобы не разбудить спящих в спальне родителей, прошёл на балкон и выбросился с балкона десятого этажа бруклинского шестнадцатизэтажного дома. Эта ночь – самая страшная ночь моей жизни. Голос матери, позвонившей мне по телефону, мне не забыть никогда, покуда моя жизнь и / или моя память не покинут меня.

Вадик был моим младшим и единственным братом. 31 января, почти через два месяца после этого последнего прыжка, ему бы исполнилось сорок три года. Он был красив, физически крепок, окружён любящими его родителями, племянницами, которые его обожали и называли «самым весёлым дядей в мире», имел сына-подростка, оставшегося в Украине, которым очень дорожил, был талантливым программистом, практически самоучкой освоившим это нелёгкое дело, имел друзей, любящих его с детства. Брат, я верю,

тоже любил своих близких, был добр и щедр, полон юмора. Он дорожил любой жизнью, даже комариной. Но, как оказалось, только не своей.

После того, что случилось, сместилась система координат, жизнь представилась иллюзорной и хрупкой, чем-то вроде оболочки мыльного пузыря, исчезла опора под ногами. Наша прежняя жизнь откололась от нас и легендарной Атлантидой опустилась на дно океана.

Почему он это сделал?

Вопрос, на который я и моя семья искали и ищем ответ.

Загадки и странности поведения моего брата, его жизнь, такая противоречивая и непростая, его метания и шатания, его вечная неприкаянность, его поиск авантюр, его увлечения всяческой эзотерикой и сомнительными учениями, его рассуждения, споры с ним, его холодность и отчуждённость, которую я чувствовала в последние месяцы, его привычки, его поступки перед самым концом – всё осветилось новым светом, светом нового понимания его мучений и трагедии. Меньше всего мне хотелось бы романтизировать его поступок. Мой брат, что бы он себе ни воображал и ни думал, причинил невыносимую боль своим близким, навсегда сделав несчастными родителей, но совершил он это, я верю, потому, что не мог справиться со своими страданиями и искал спасения от самого себя.

Накануне вечером я говорила с мамой по телефону. Как обычно, спросила о брате: «Как Вадик?» Мама ответила, что

всё в порядке, он вроде успокоился и сейчас спит. Это было в девять часов вечера. «Молодец! – сказала я. – Нам надо брать с него пример. А то мы всё крутимся, крутимся допоздна». Затем я, мой муж и наши три дочери пошли спать. Где-то в час ночи меня разбудил звонок. Я подумала, что это либо ошибка, либо кто-то звонит из-за границы, «перепутав» время. Когда я взяла трубку, услышала материнский голос, страшный, как никогда. «Папа?» – спросила я первое, что показалось мне наиболее вероятным, так как сразу же подумала, что стряслась беда с отцом.

Мой отец – пожилой человек. Тогда ему был семьдесят один год. У него избыточный вес, повышенное давление, и он к тому времени пережил инфаркт. Когда мама мне сказала, что сделал брат, я закричала, но этого не помню (о том, что кричала, мне позднее сказал муж). Знаю только, что своим криком разбудила детей, которые вскочили с кровати: «Что случилось?» – «Тихо, тихо, у дяди Вадика сердечный приступ, его забирают в больницу. Мы с папой поедem к бабушке». Я не могла среди ночи сказать детям, что стряслось с их дядей, а потом убежать, оставив их зарёванными. Я не думала о том, что я им скажу или не скажу потом. Главное, что мне нужно было убежать из дома, что в эти страшные минуты мне нужно было быть рядом с моими родителями, просто быть рядом, как во время урагана, держаться друг за друга... Я не могу сказать, что всё это было как во сне, но чувство нереальности происходящего меня не покидало. Я помню,

что надела зелёную бархатную кофту, шерстяные брюки. Была холодная декабрьская ночь, и мы оделись по сезону. И это казалось ужасно диким и страшным: то, что мы двигаемся, одеваемся, ведём себя «нормально» в ненормальных обстоятельствах. «Моего брата нет, а я ещё имею силы? наглость? одеться, двигаться, ходить в туалет... И я не рассыпалась, не разбилась на мелкие куски... Как можно???» Я была противна самой себе...

Когда мы приехали, в квартире находились два полицейских, которые не пускали родителей на балкон, как те ни просили. Надо отметить, что нью-йоркские полицейские поразили меня своим тактичным и мягким отношением к нам. Если они и следовали инструкциям, то эти инструкции были очень гуманными и разумными. Полицейские также не разрешили нам сразу спуститься вниз и подойти к телу брата. Полиция ждала приезда *medical examiner* (врача, в обязанности которого входит засвидетельствовать смерть в результате насилия, самоубийства, при любых необычных обстоятельствах вне врачебного присутствия. — *Прим. автора*). Только через какое-то время после наших просьб нам разрешили спуститься. Я шла вместе с родителями. Рафик, мой муж, остался в квартире ждать, если придётся открыть дверь полиции или *examiner*. Брат был прикрыт простынёй и лежал за невысокой оградой под балконом. Мы не могли себя заставить (или нас не пустили, не помню точно) перелезть через ограду и подойти к нему. Я была настолько в шоке, что

даже не помню этих деталей, зато помнит мой отец. Потом, когда тело брата вынесли из-за ограды, он лежал завёрнутый в большой белый мешок. Мама просила открыть его, чтоб поглядеть на сына в последний раз. Ей этого не разрешили – видимо, тоже действуя по инструкции, чтобы избежать вероятной страшной реакции. Помню, как я и мама стояли, дрожа от холода и глядя его тело через белый покров. Тогда и приехал с Манхэттена medical examiner. Мне показали фотографии брата для освидетельствования. Я не знаю, когда их сняли: возможно, когда полиция только приехала по сигналу о том, что чей-то труп лежит около дома. Его лицо не было изуродовано, только две-три ссадины. Фотографии родителям, по-моему, не показали – тоже, я думаю, по инструкции, хотя они уверяют, что видели фотографии. Medical examiner спросил меня: как я думаю, что произошло. Я сказала, что брат был безработный, находился в состоянии депрессии. Он всё это записал. Затем тело забрали в машину, так и не показав его нам.

Забегая вперёд, скажу, что у евреев не принято видеть лица покойного на похоронах. Когда на кладбище прибыла машина из похоронного дома с телом брата, к моему удивлению, работник, бывший в машине, предложил мне, моему мужу и дочери и моим родителям посмотреть на Вадика в последний раз. Мы с благодарностью согласились. Лицо брата было загримировано: ни синяков, ни царапин не было видно, он был в костюме, кипе и с талесом, бледный и поху-

девший, очень красивый, какой-то нереально красивый, как будто из музея восковых фигур. Мы застыли над ним, сцепленные агонией горя, пока гроб не закрыли...

Возвращаясь к событиям той страшной ночи. После того как забрали тело, мы вернулись в дом. Полицейский ушёл, и мы остались одни. Наступал рассвет. Это был наш первый рассвет без него, рассвет, который он не сможет увидеть. Это было дико. Мне и мужу надо было возвращаться домой, чтобы проводить детей в школу. Была пятница. Брат совершил свой страшный прыжок в ночь с четверга на пятницу, очевидно, не желая нарушать священность субботы.

Мы не хотели говорить детям сразу же, что произошло. Они бы не смогли пойти в школу, и нам надо было бы оставить их, зарёванных, дома, а самим идти договариваться о похоронах. Поэтому мы сказали им, что дядя Вадик в больнице и мы поедem к нему. Проводив детей в школу (моей младшей было тогда одиннадцать лет, средней только исполнилось шестнадцать, а старшей, студентке университета, – восемнадцать), мы отправились в похоронный дом. Не дай Бог кому-нибудь пережить это: родителям говорить о могиле сына, договариваться о том, каким будет гроб, когда и как его похоронят. Несчастные мои родители! Покончив с нашими ужасными делами, мы вернулись домой, чтобы встретить детей после школы. Они были удивлены, почему мы не на работе. Опять был разговор о больнице. Вернулась старшая дочь из университета.

Надо сказать, что мой брат уехал в Израиль в 1991 году, когда моей старшей дочке было всего пять лет, а средней – три годика. Он переехал из Израиля в Америку в 2002 году, когда мои девочки были ещё юными девицами, а младшая – так вообще его не знала. Тем не менее они сразу же полюбили его. Он для этого, казалось, не прикладывал никаких усилий, не старался угождать и нравиться. Те игрушки, которые он присылал им из Израиля (плюшевого верблюдика, забавную пластмассовую копилку в форме коровы и другие), они бережно хранили и любили. Когда ж они его узнали, он стал для них постоянным источником веселья. Его рассеянность, его замечания и реплики, его пение под гитару, его притчи – всё находило в их лице благодарных слушательниц и поклонниц. В то время как мы критиковали старшую и пытались учить её уму-разуму, он говорил нам: «Оставьте её в покое, пусть делает что хочет». Когда он приходил ко мне домой, они бежали ему навстречу радостные. Они любили угощать дядю Вадика своими кулинарными изделиями и просто были рады его присутствию в доме, хотя бы и молчаливому. Они были готовы с энтузиазмом пригласить его в любую поездку и на любое мероприятие. Дедушка шутил, что, сколько он ни дарил им вещей, ничто не вызывало столько благодарной памяти, как то, что Вадик как-то купил им по первому требованию жвачку в магазине.

Однако Вадик как будто не замечал обожания племянниц. Погружённый в свои мысли, он проплывал мимо них, как

фрегат, занятый своим курсом, плывёт мимо лодчонок. Во всяком случае, он не подумал, каким потрясением станет его смерть для племянниц, какую травму он им нанесёт...

Итак, после ужина дети подступили ко мне с расспросами: «Есть ли надежда?» Я сказала, что надежда очень слабая, можно сказать, почти нет. Затем я сказала, чтобы они приготовились к худшему. Я сказала им, что у них больше нет их любимого дяди. Мы обнялись и заплакали все вместе, став единым клубком боли.

Я не могла и не хотела вводить в заблуждение своих девочек и плести им какие-то истории о больном сердце. Я сказала им правду. Они были потрясены. Мы все плакали. Позднее я узнала, что в некоторых, даже во многих, семьях факт самоубийства скрывается. Зачастую факт смерти от самоубийства отрицается даже самыми близкими людьми покойного, не желающими принять страшную реальность. Я глубоко убеждена, что этого нельзя делать, что правду нельзя скрывать, что завеса тайны не приносит добра, а выходит затем боком. Люди мучаются годами в одиночку, не обращаясь за помощью и поддержкой, считая, что они словно прокажённые в этом «чистом» мире, что на них лежит стигма от этого поступка и предшествующих ему психических заболеваний. В западном мире очень много делается для того, чтобы помочь тем, кто оказался в подобной ситуации. Помощь оказывается как людям с суицидальными наклонностями и настроениями, так и близким людям покойного.

Но я возвращаюсь к своему повествованию.

Глава 2. На пути к трагедии

Я обнаружила, что нет ничего более трудного, чем понять мёртвых, но нет ничего более опасного, чем их проигнорировать.

Маргарет Атвуд

Отчаянье — это не идея, это нечто материальное, то, что мучает, сжимает и разбивает человеческое сердце... пока он не сойдёт с ума и не бросится в объятия смерти, как в материнские объятия.

Альфред де Виньи, Чаттертон, 1835

Когда человек кончает с собой, то первый вопрос, который возникает, — это вопрос о причине: почему он это сделал? Для того чтобы на него ответить, мне предстояло перерывать гору литературы и провести самостоятельное «расследование», следствие, которое никогда не будет закрыто, потому что мой брат не встанет из могилы и не объяснит свой поступок нам, его родным. Мне надо было мысленно «прокрутить» жизнь брата, как киноплёнку, чтобы увидеть закономерность в хаосе его жизни, мне надо было спросить себя и близких: «Что мы могли сделать, чтобы предотвратить эту трагедию?»

Наша семья — иммигранты: я с мужем, наши две дочери — Эстер и Рахия, мои родители — Леонид и Надежда. Моя

третья дочь, Флора, родилась через два месяца после нашего приезда. Мы все приехали из Азербайджана в Америку по линии еврейской эмиграции. Моя бабушка, мать моего отца, приехала сюда к своей родной сестре, уехавшей в конце 1980-х. Она была тем «паровозиком», за которым потянулись три поколения, включая мою бабушку по линии матери, моих родителей, мою семью, а затем, позднее, и семьи моих дядей по материнской и отцовской линии. Мы ехали, надеясь на лучшее для себя и своих детей, как и многие, и никакие трагические предчувствия в ту пору меня не томили. Однако, как гласит закон Мэрфи, если какая-нибудь неприятность (а в нашем случае – трагедия) может случиться, то она обязательно случится.

Семья моих родителей была открытой, честной семьёй интеллигентов второго поколения. Отец, инженер по образованию, работал дизайнером в институте технической эстетики, рос по службе и занимал административные позиции по ходу роста. Весёлый, искрящийся характер, душа компании, жизнелюб – вот приблизительные характеристики его натуры, таким его видели, любили и любят друзья, коллеги и родня. Мама не отставала от него в чувстве юмора, находчивости, она с детства была окружена подругами, любившими и ревновавшими её. Мама работала педагогом русского языка и литературы, а потом завучем по воспитательной части. Бабушка, мать мамы, выполнявшая роль и гувернантки, и домоуправительницы, была директором школы. Властная,

прямая, бабушка когда-то держала в повиновении всю школу, а как ушла на пенсию – масштабы одной семьи оказались явно несоразмерны её натуре. Шумная и крикливая, бабушка обожала Вадика. Может быть, в этом сказалось её традиционное еврейское воспитание, когда над мальчиками дрожат и балуют их (головы, посвящённые изучению Торы, надо беречь), а на девочек смотрят как на рабочую силу, призванную вынести все тяготы и заботы семейной жизни. Так или иначе, но Вадик был любимцем бабушки, и она его «защищала» от нападок отца, что, конечно, вносило раскол в семью. Дом наш был гостеприимным, к нам любили приходиться гости, было много смеха и веселья в любые, даже самые трудные годы. Папа увлекался изготовлением гобеленов и чеканок, строгал и пилил, обустроивал квартиру своими руками, что вызывало восхищение и зависть у родни. Мама и бабушка искусно кулинарили. У нас всегда был обед: русская, кавказская, еврейская кухня – и гости только диву давались, как замечательно вкусно всё выходило. Красивые родители (я помню, как в детстве восхищалась красотой мамы), дружная, трудовая семья. Всё было великолепно, и я довольно долгое время, всё детство и юность, была избавлена от проблем и тягот. Моё безоблачное существование было обеспечено родителями, но я тогда мало ценила и понимала это – впрочем, как и мой брат.

Сколько я себя помню, у меня был брат. Мои первые воспоминания – это момент радости, когда я узнала о его рож-

дении и прыгала на диване от счастья. Брат был младше меня на два с половиной года, и, как это всегда бывает, сам факт его рождения после меня предопределил семейную динамику и навсегда закрепил за нами определённые роли. Я стала старшей сестрой с её неременной обязанностью журить и поучать (вспомните фильм «Старшая сестра» с Татьяной Дорониной в главной роли). Я становилась на сторону родителей в конфликтах брата с ними и являлась примерной ученицей и послушной девочкой, предметом семейной гордости и образцом – словом, играла роль, изрядно, надо сказать, мне поднадоевшую, но неотторжимую от меня в той же мере, в какой для моего брата была роль бунтаря и анархиста. Не думаю, что Вадик когда-либо завидовал моим успехам или ревновал, если меня хвалили, а его нет. Подростком он иногда меня дразнил, но какие братья и сёстры избегают этого? Если я привычно приходила домой и рассказывала о происшедшем, то от Вадика нельзя было добиться связного рассказа о чём бы то ни было. Он был скрытным молчуном, тихим и погружённым в свои думы. Мы были типичными образцами экстраверта и интроверта, и удивительно, как мы всё-таки любили друг друга, несмотря на такие явные различия между нами.

Сейчас мне кажется, что не случайно брату дали имя Вадим, которое ведёт своё происхождение от древнерусского слова «вадить» – спорить. Его конфликты с «властями», начиная с авторитета родителей, начались с детства. Летом мои

родители снимали дачу недалеко от Баку, в селении Пиршаги, и у хозяина дачи росли на бахче арбузы. Вадик срывал с хозяйской бахчи маленькие, недозревшие арбузики, за что его наказывали, но он продолжал упорно делать своё. Как-то ему предписывалось идти на прогулку в шортиках, а он хотел только брюки – вероятно, из стремления выглядеть взрослым. Кончилось тем, что Вадик на прогулку не пошёл, а я с папой пошла гулять на бульвар и кататься на катере...

Уже здесь, в Америке, мы перезаписали домашнее кино на диск. Как-то, уже после смерти Вадика, смотрели фильм, где он, совсем малыш, кружится под музыку вместе с другими детьми. Вот кончилась музыка, и все остановились, а Вадик всё кружится и кружится один... Почему в последнее время я так часто вспоминаю об этом?...

Он вечно терялся, имея обыкновение неслышно исчезать. Мама очень боялась, что она его потеряет. То он на вокзале оторвался от родителей, забрёл в какой-то магазин, а папа в это время бегал по отходящему составу и искал его во всех вагонах; то он, шестилетний, оставил маму в магазине, недалеко от школы, которая находилась на порядочном расстоянии от дома, и самостоятельно пришёл домой; то он в пять лет (!) объявил, что уйдёт из дома, и, так как это было в Москве, где мы гостили всей семьёй летом, мамина тётя собрала ему котомку с какими-то пожитками и выставила его за дверь, мол, уходи. Он через какое-то время постучал в дверь: просился обратно... Однако стремление уйти из ро-

дательского дома в нём сидело...

Как-то, незадолго до смерти, он сказал: «Я ушёл из дома в двенадцать лет». Ушёл он, конечно, не в прямом смысле, но близко к этому, так как стал буквально пропадать вместе со своими школьными друзьями.

Друзья значили для Вадика очень много – как нам казалось, даже больше, чем семья. Может, потому, что он родился под знаком Водолея? Впрочем, это замечание не для скептиков...

В школу он попал в пять лет, так как читать уже умел, и бабушка решила, что нечего ему делать в детском саду. Он был бледным, щуплым мальчиком с интеллигентными чертами лица и маленькими веснушками вокруг маленького носа. Позднее на этот носик ещё водрузились очки, что отнюдь не радовало Вадика, а, полагаю, сильно смущало. У него было плоскостопие, и Вадику было трудно много ходить. Ребята дразнили его «дистрофиком» за худобу. За «дистрофика» Вадик подрался со своим будущим другом Тимкой. Тимка положил Вадика на обе лопатки, но на вопрос Тимки «Сдаёшься?» Вадик ответил отрицательно, чем заслужил уважение своего соперника, а может, и не только его. Об этом я узнала, когда Вадика не стало...

В дальнейшем Вадик много внимания уделял своему физическому развитию. Мы смеялись над тем, что он записался, казалось, во все спортивные общества Баку, которые существовали в то время. Может, тот факт, что он менял эти

общества, как впоследствии менял всё в своей жизни, нас должен был насторожить... Другим элементом «самовоспитания» стало приучение к алкоголю. Дома отец выпивал, иногда крепко, но до скандалов не доходило, и эти выпивки проходили в рамках семейно-дружеского застолья. Однако со своими друзьями Вадик напивался иногда до такой степени, что его потом «выворачивало наизнанку», это приводило в отчаяние родителей и бабушку.

С друзьями он пускался во всевозможные проказы и авантюры. Так, например, однажды они отправились автостопом до Крыма, где (мир тесен, да ещё как!) в Алуште, на пляже, случайно встретился с родным дядей, папиным братом. Родителям приходилось нередко вытаскивать Вадика из милицейского участка, где милиционеры, получив желаемую мзду, мирно его отпускали, но сколько крови стоило это моим несчастным родителям, и как это было унижительно для них! Сколько негодования, сколько увещаний, разговоров и выговоров ему приходилось выслушивать от меня! Однажды я настолько была потрясена его бесчувственностью, что сказала: «Будь ты проклят!» Уж не помню, чем был вызван мой гнев, но мне этот эпизод врезался в память, потому что я испугалась своих слов, и мне теперь больно об этом вспоминать... Вадик мне никогда не припоминал сказанного. Он вообще не очень-то реагировал на наши «громы и молнии». То ли это был был дефект психики, не позволявший понимать и разделять чувства других, то ли подростковый эго-

изм. . .

Друзей брата мои родители не любили. Да и я их не жаловала. С ними он обманывал, напивался, его забирали в отделение милиции. . . Для моего брата, однако, друзья значили очень многое, если не всё. Обычно немногословный и замкнутый в обществе, среди них он был краснобаем, весельчаком, буквально расцветал. Он чувствовал себя значительной фигурой и произносил застольные тосты, был красноречив, то есть вёл себя совсем не так, как дома. Друзья льстили ему, называли его «финансовым гением», а этот «гений» выдумывал всё какие-то аферы. Сейчас я думаю, что Вадик не умел (не хотел, не мог?) найти признания в семье. Родителям очень хотелось им гордиться, но происходило мучительное несовпадение их ожиданий и надежд и его поведения, и в силу этого несовпадения друзья были для него единственным полем для самоутверждения.

Дух независимости и бунтарский характер неизбежно приводили Вадика, говоря канцелярским языком, к «противоправным действиям», к конфликтам с властями, где бы он ни был. Родителей и меня никогда не покидал страх за Вадика. Я боялась, что он или окажется в тюрьме, или умрёт насильственной смертью. Даже в Израиле он умудрился на семь лет стать «невыездным», когда заночевал пьяным в автобусе и поспорил с полицейским. . .

Как я уже сказала, Вадик был очень тихим. Входил и уходил он неслышно: звук ключа в замке либо хлопающая дверь

знаменовали его появление и исчезновение. За редкими исключениями, он не любил сообщать, куда идёт, к кому, за чем. Эта его привычка была источником частых конфликтов и переживаний, потому что он исчезал тихо и бесшумно и мог появиться глубокой ночью, а мог и не появиться, и вместо этого был звонок из милиции... Только когда он стал жить с родителями в Нью-Йорке, он иногда звонил маме и говорил, чтобы она не волновалась, что он скоро придёт, за что она была ему безмерно благодарна.

Когда Вадику было четыре года, он выучился читать, незаметно наблюдая, как бабушка учила меня азбуке по кубикам. Некоторые буквы он запомнил вверх ногами, так как сидел напротив... Ни бабушка, ни я, увлечённые процессом обучения, не подозревали, что он тоже учится, одновременно со мной. Обнаружили мы его «грамотность» случайно. Однажды папа, я и Вадик шли в гости к бабушке, папиной маме, и я по просьбе папы стала читать вывески. Дома папа с гордостью сказал: «А вот Лиля уже умеет читать. А ты что умеешь?», на что Вадик ответил: «А я все буквы знаю». Папа, конечно, тут же попросил подтверждения, что было продемонстрировано незамедлительно. Так же, не прилагая больших усилий, брат закончил десятилетку и Институт народного хозяйства, куда он поступил не из-за какого-то им преследуемого интереса, а чтобы родители «отстали». Брат в детстве рисовал машины, причём рисовал их необычным образом – вверх ногами, а потом переворачивал рисунок. Как-то,

когда мы уже были подростками, папа принёс книгу о многогранниках с инструкциями, как их изготавливать из бумаги. Брат начал делать многогранники, причём от самых сложных к самым простым, уставив цветными фигурами целую полку книжного шкафа.

Вадик был музыкален. Я ходила в музыкальную школу по классу фортепьяно, а его отдали туда же по классу виолончели. Благо его учительница музыки жила в нашем дворе, и для занятий не надо было ходить куда-то далеко, учительница приходила к нам домой. Тем не менее он не захотел закончить семилетнюю музыкальную школу и бросил учиться довольно рано. Зато знание струнного инструмента позволило Вадике легко выучиться игре на гитаре, и он с одинаковым удовольствием брэнчал песни Высоцкого и блатного репертуара.

В школе он учился без напряжения, не прикладывая особых усилий. Ему достаточно было один раз прочесть страницу учебника, чтобы потом почти наизусть пересказать прочитанное. В Институт народного хозяйства он пошёл, вероятно, только потому, что учиться там надо было всего четыре года и, как подозревал папа, ему не терпелось «догнать меня»: я училась в университете на историческом факультете пять лет. Вадик выбрал специальность «бухгалтерский учёт», хотя ему, вероятно, было всё равно, куда поступать.

За несколько дней до смерти Вадик попросил папу: «Научи меня рисовать», имея в виду живопись маслом или ак-

варелью. Наш отец – дизайнер, художник, гобеленист и чеканщик, и в эмиграции он много трудится, реализуя свои художественные таланты. Отец был очень удивлён и даже воспринял желание сына как очередную блажь, но мать, как говорится, «материнским чутьём» или просто хватаясь за соломинку надежды, видя, что сын падает духом всё больше и больше, скомандовала, чтобы отец «занялся» им. В сорок два года Вадик впервые по-ученически взялся за краски и нарисовал довольно неплохо две картины: натюрморт и цветы. Отец, который вначале было подшучивал над ним, мол, Ван Гог объявился, был впечатлён и предложил продолжить занятия, но Вадик остыл и не захотел...

Я никогда не сомневалась в способностях своего брата, но, как говорила учительница географии о Вадике, «умная голова дураку досталась», разделяя интеллектуальный потенциал брата и отсутствие здравомыслия.

У Вадика появилась любимая девушка, тонкая и умная, любящая стихи, хорошую литературу. Мне она внушала уважение. Когда Вадик погиб, я неожиданно получила письмо от неё и сообщила ей о смерти брата. Вот что она мне написала...

Здравствуй, Лилечка!

С того самого дня, как я получила от тебя это страшное сообщение о Вадике, я всё время вспоминаю его.

Всё время всплывают какие-то детали, не всегда в

хронологическом порядке.

Ведь прошла половина моей жизни.

Мне было тогда 24, а теперь – 48...

Но я постараюсь поделиться своими воспоминаниями. Возможно, они будут сбивчивыми и не совсем по порядку.

Это был трудный год для меня – 1980-й.

В тот год я навсегда потеряла надежду на взаимную любовь. Человек, в которого я была безуспешно влюблена много лет, женился на другой. Я была растеряна, пыталась забить эту боль в душе работой, командировками.

В тот же год осенью мне подвернулась поездка в Чехию, и я с радостью туда поехала.

Где-то в начале ноября (как раз перед праздниками) мне позвонил незнакомый молодой человек. Как у нас в Баку бывало, он пытался завязать со мной знакомство. Но я была девушкой очень серьёзной, да ещё пережившей сердечную драму и не соглашалась на встречу. Потом он позвонил перед Новым годом. Каюсь, я даже съязвила, что он звонит только перед праздниками и приглашает меня их отметить. Я опять ответила отказом.

После Нового года звонки продолжались. И наконец-то я дала согласие на встречу.

Как ты уже догадалась, это был Вадик.

В середине февраля мои сердечные (в прямом смысле этого слова) раны дали о себе знать, и меня родители буквально запихнули в больницу. Вадик приходил ко мне

каждый день. Он был очень внимателен и обходителен. Мне было интересно с ним разговаривать. Мне очень льстило такое внимание, и я постепенно привязалась к Вадиду.

Скажу откровенно, это не было вспыхнувшее чувство. Просто мне было очень приятно находиться с ним рядом, слышать его голос. И эти отношения лечили меня лучшие любых лекарств.

Меня выписали из больницы 1-го апреля. Мы стали встречаться с Вадиком. Мы читали одни и те же книги. Вадик ведь очень умный человек. У нас на многое совпадали взгляды. Только не я его, а он меня всегда считал младшей.

Он говорил мне, что я ещё девочка, а он старик. Когда я прочла в твоих стихах эти же слова, я даже вздрогнула.

Он читал мне стихи из Гессе и называл себя степным волком.

...Очень трудно говорить о Вадике «был»... Хотя мы очень давно не виделись и наши пути разошлись...

Для тебя ведь не было тайной, что Вадик очень увлекался спиртным. Я боролась с ним, как могла. Много раз он приходил ко мне не в лучшем состоянии. Я обижалась на него. Он просил прощения и обещал, что это будет последний раз... Иногда он вообще не приходил в назначенное время. Я звонила, тревожась о том, что с ним что-то случилось, бежала к вам домой... Как-то он даже не смог выйти ко мне, меня встречала ваша мама. Вся ваша семья встречала меня

всегда радостно, и вы все мне очень нравились.

К тому же мир очень тесен. Ведь наши мамы в 9-м классе учились вместе, и у нас даже есть фотография их класса.

Обещания давались регулярно, и всё время повторялось одно и то же. Мне очень хотелось помочь Вадику, вырвать его из этого замкнутого круга, но у меня ничего не получалось...

Прости меня, Лилечка, может быть, мне не нужно было писать об этом, но ты просила откровенно написать. Ведь это и часть моей жизни... Мы ещё продолжали встречаться, я надеялась, что всё-таки у Вадика хватит сил. Ведь к тому времени я очень к нему привязалась. И мне было очень тяжело разорвать наши отношения. Вадик ушёл в армию, и мы решили перед этим, что останемся просто друзьями.

Были редкие короткие письма из Астрахани. Но когда Вадик вернулся, он не захотел дружеских отношений. Мы расстались...

Потом я слышала, что он женился, и надеялась, что он нашёл своё счастье. А вышло вот как...»

После окончания института Вадик пошёл в армию, где ему пришлось очень нелегко. Старшина говорил ему: «Ты у меня будешь умирать медленной смертью». Что там было конкретно, трудно сказать, но однажды он простоял в холодной воде в сапогах в камере, после чего у него пошли нарывы на ногах, и мама присылала ему мазь для лечения. Мы знали,

что ему было тяжело, но он всё-таки выдержал это испытание и писал письма домой даже с юмором.

В 1985 году мой брат вернулся из армии и пошёл работать по специальности, бухгалтером. Начальник очень высоко отзывался о его способностях, но брата это мало волновало. Там он познакомился со своей будущей женой, Инной, которая была уже дважды замужем, один раз, якобы, фиктивно. Говорю «якобы», потому что с Инной я близко знакома не была, Вадик о ней не откровенничал, и о ней нам стало что-то известно со слов нашей соседки, которая знала её по консерватории, где она училась ранее. Мы так и не знаем, кто были предыдущие мужья нашей невестки и почему она разошлась с ними. Отношения моего брата и его будущей жены были не безоблачными. Однажды он её ударил, и она прибежала жаловаться моей матери, на что моя мама посоветовала им расстаться, раз её будущий муж так себя ведёт. Инна не послушала, и они поженились. До того, как это произошло, Вадик размышлял вслух в обычной своей полуироничной манере, «жениться или не жениться», причём привлекал то меня, то маму в качестве собеседниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.